

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

О.И. ШКАРАТАН

Евразийский вектор русского цивилизационного транзита. Статья 3. Евразийство и пути русского транзита

В третьей статье цикла (первую и вторую см. “ОНС”, 2014, № 3, 4) автор анализирует специфику России как цивилизации Евразийского Севера. Он видит причины неудач российских реформ в отступлении от специфики евразийства и, напротив, их успехи там, где была учтена эта специфика, прежде всего в Казахстане.

Ключевые слова: евразийство, российская цивилизация, государство, этакратизм, неозтакратизм.

In the third article of the series (see the first and second ones in “ONS”, 2014, № 3,4) the author analyzes the specifics of Russia as civilization of Eurasian North. He sees the causes of failures of Russian reforms in retreat from the specifics of the Eurasian bases and, conversely, their success where this specifics was taken into account.

Keywords: Russian civilization, the state etakratizm, neoetokratizm.

В среде западных интеллектуалов все чаще высказываются и обосновываются идеи не просто “неевропейскости” России (эти мысли посещали ученых Запада с неизменным постоянством и в давние века и с завидной регулярностью с XIX в.), но ее непринадлежностью и к Азии. То есть Россия стала признаваться самостоятельной цивилизацией/культурой, возникшей на границе с европейской, но сохранившей свою идентичность и устоявшей в схватке с Европой [Marshall, 2003].

Многие наблюдатели приходили к выводу, что Россия – некий евразийский гибрид, в котором нет четких признаков ни той ни другой части света. О. Шпенглер утверждал, что Россия – кентавр с европейской головой и азиатским туловищем. С победой большевизма “Азия отвоевывает Россию, после того как Европа аннексировала ее в лице Петра Великого” [Шпенглер, 1993, с. 110]. Интересно, что Россия тем же автором воспринималась как еще “не завершенная” культура. В своей типологии мировых цивилизаций Шпенглер относил Россию к “назревающей”, становящейся культуре, которой еще предстоит заявить о себе в полный голос в той мере, в которой позволит это сделать огромный потенциал ее роста.

Шкаратан Овсей Ирмович – доктор исторических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, заведующий лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистического общества НИУ–ВШЭ.

Однако Шпенглер, по мнению П. Сорокина, в своей философии истории и в оценке России повторял все основополагающие постулаты Н. Данилевского (см. [Пивоваров 1992, с. 167–168]). Однако в вышедшей позднее монографии Ю. Семенова было показано, что нет оснований предполагать заимствования Шпенглером у Данилевского. Он напоминает, что труду этого русского мыслителя предшествовали работы Ж.А. де Гобино и Г. Рюкерта, а главное – плюралистический подход получил в конце XIX–начале XX в. самое широкое распространение в европейских общественных науках, “причем явно не в результате знакомства с трудом Н.Я. Данилевского”. Семенов выделяет две тому основные причины. Первая – социальная. В результате распространения марксизма и подъема рабочего движения господствующий класс стал испытывать страх перед прогрессом, что не могло не повлиять на общественные науки. Вторая – “чисто научная, нарастающее осознание противоречия между господствующим линейно-стадиальным пониманием истории и исторической реальностью” [Семенов, 2003, с. 161].

Согласно мнению А. Тойнби, Россия “есть часть общемирового незападного большинства”. Русские никогда не принадлежали к западному христианству: “Восточное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны, что, к несчастью, мы и сегодня наблюдаем в отношениях России с Западом, хотя обе стороны находятся в так называемой постхристианской стадии своей истории” [Тойнби, 1995, с. 156]. Россия претерпела вызов природы, вызов Азии и вызов Запада. Тяжелые природные условия заставляли ее развиваться экстенсивно, расширяя географические пространства. Ответом на вызов Азии, а именно – монгольского нашествия, явилось оседлое земледелие и укрепление православия [Тойнби, 1991].

Подводя определенный итог суждениям о российской цивилизации, С. Хантингтон писал: “Некоторые ученые выделяют отдельную православную цивилизацию с центром в России, отличную от западного христианского мира по причине своих византийских корней, двухсот лет татарского ига, бюрократического деспотизма и ограниченного влияния на нее Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе” [Хантингтон, 2003, с. 56].

В России в кругах социальных исследователей доминирующую позицию занимала и занимает концепция принадлежности страны к семье европейских народов. Обычно авторы подчеркивают, что Россия – страна европейской культуры и ориентирована на работу европейских институтов. При этом получила распространение идея принадлежности России к так называемой “второй”, или “другой”, Европе, к которой относят Португалию, юг Италии, Грецию, Россию, то есть страны позже и менее органично вступившие на путь модернизации. При этом делается вывод, что нет и не может быть сомнений в европейской идентичности этих стран. С наибольшей глубиной и основательностью эта концепция была развита в публикациях В. Федотовой, в частности, в ее монографии «Модернизация “другой” Европы» (М., 1997).

В связи со сказанным встает вопрос о ментальности русского народа. Является ли она “западной”? Вполне надежные данные крупномасштабных исследований человеческих ценностей, обобщенные в работах Ю. и Н. Латовых (включая их собственные опросы), показали, что оценки В. Ядова и ряда других авторов, согласно которым российская ментальность – западная, как и свидетельства Г. Хофстеда и Д. Боллингера о “восточном характере” российской ментальности не вполне корректны. «Истина в буквальном смысле слова лежит посередине: российская ментальность – промежуточная между “западной” и “восточной”. Согласно последним данным, Россия чуть ближе к Западу, а потому она все же чуть больше Евразия, чем “Азиопа”... мы не нормальны и по западным, и по восточным меркам» [Латов, Латова, 2007, с. 54; 2001].

По мнению А. Андреева, россияне весьма своеобразно понимают ряд базовых ценностей, которые принято считать “европейскими”. По представительным опросам 2000-х гг. большинство из них считают свободу одной из главных ценностей, без которой жизнь потеряла бы смысл, даже ставят ее выше материального благополучия. Однако только около трети воспринимают свободу “по-европейски”, связывая ее

реализацию с политическими правами и свободами, а почти две трети ощущают ее как “волю”, то есть возможность быть самому себе хозяином [Андреев, 2013, с. 75].

Он же обратил внимание на приверженность русских ценностям культуры и образования, некий “идеализм” их устремлений. Сравнение и с американцами, и с немцами показало, что именно “в российском менталитете сохранилась характерная смысловая маркированность всего ряда понятий, относящихся к познанию, образованию и духовной жизни вообще...”. Андреев обратил внимание и на то, что “приблизительно к концу 50-х гг. XX в. стала складываться перспективная социетальная форма “общества образования”, и в этом плане Советский Союз на 30–40 лет опережал ведущие страны Западной Европы, где созвучный социальный проект (“общество знаний”) возник уже ближе к концу столетия”. Несмотря на негативные последствия нелиберальных реформ в сфере образования, опросы 2000-х гг. показывают: подавляющее большинство россиян по-прежнему считают, что главное в воспитании детей и сегодня – именно хорошее образование [Андреев, 2013, с. 72].

Россия в контексте евразийства

Россия, по всей своей истории и географии, столетиями была евразийским обществом, то стремившимся сблизиться со своими европейскими соседями, то тяготевшим по всему строю жизни к азиатскому миру. Представляется, что теория евразийства, сформировавшаяся в 1920-е гг. в среде эмигрантов из России (П. Савицкий, Н. Трубецкой, Г. Вернадский, Л. Карсавин и др.) не случайно становится важным системным элементом анализа процессов развития современной России и ее восточных соседей. Евразийцы полагали, что Россия – это Евразия, а не только Европа. Россия, по их мнению, представляет собой особый мир, который правильнее было бы назвать Евразией. И это не просто указание на ее географическое местоположение, но название некоей этнической, культурной, исторической общности, принципиально отличной как от Европы, так и от Азии. Они рассматривали в качестве особого полиэтнического образования территорию России, добавляя к ней Туву и Внешнюю Монголию. СССР 1920-х гг. действительно во многом соответствовал евразийской доктрине географически (Европа и Азия как месторазвитие); своеобразием этническим, включающим европейские и азиатские народы, а также наличием идеократического государства, державшегося на силе идеи, сплачивающей общество. В евразийской доктрине 1920-х гг. не удалось воплотить универсальную роль православия. Но мы обсуждаем реанимацию евразийства в 2000-е гг. И в современном евразийстве идеи предшественников находят целостное воплощение.

Речь идет об особом географическом и историческом мире, впервые объединенном монголами. Чингисхан, по мнению Трубецкого, подчинил себе все кочевые племена евразийских степей и превратил евразийскую степную систему в одно сплошное кочевническое государство с прочной военной организацией. Перед такой силой ничто не могло устоять. Все государственные образования на территории Евразии должны были утратить свою самостоятельность и поступить в подчинение владыке степей. Таким образом, Чингисхану удалось выполнить историческую задачу, поставленную самой природой Евразии, – задачу государственного объединения всей этой части света. Он выполнил эту задачу так, как только и можно было ее выполнить, – объединив под своей властью степь, а через степь и всю остальную Евразию [Трубецкой, 2012].

Евразия представляет собой некую географически, этнологически и экономически цельную, единую систему, государственное объединение которой было исторически необходимо. Чингисхан впервые осуществил это объединение, и после него сознание необходимости такого единства проникло во все части Евразии, хотя было не всегда одинаково ясным. Как писал в 1927 г. Вернадский в работе “Начертание русской истории”, в последующем задачу государственного объединения Евразии решила Россия. Российская империя была преемницей монгольской. “История русского народа с этой точки зрения есть история постепенного освоения Евразии русским народом.

История России должна быть рассматриваема в свете истории Евразии, и только под этим углом зрения может быть должным образом понято все своеобразие русского исторического процесса. Но вместе с тем русская история до конца XIX в. далеко не совпадает с историей Евразии. Лишь с последней четверти XIX в. история России есть в сущности история Евразии” (цит. по [Семенов, 2003, с. 173]).

По мнению Вернадского, Российская государственность есть одновременно и политический механизм, и огромный историко-культурный организм. “Стихийный исторический процесс сплотил и продолжает сплавлять все больше племена и народности Евразии в единое культурное целое... Российское государство есть государство Евразийское, и все отдельные народности Евразии должны чувствовать и сознавать, что это *их* государство” (цит. по [Семенов, 2003, с. 174]).

С течением времени единство это стало нарушаться. Русское государство инстинктивно стремилось и стремится воссоздать это нарушенное единство и потому является наследником, продолжателем исторического дела Чингисхана. Следствием данного географического фактора стал этнический состав населения, в состав которого входили наряду со славянами тюркские и другие неевропейские народы. Об органичности этого объединения народов свидетельствует, по мнению Трубецкого, историческая карта СССР 1920-х гг., в соответствии с которой почти вся территория тогдашнего СССР некогда составляла часть монгольской монархии, основанной великим Чингисханом. “Некоторые части прежней императорской России, присоединенные в последпетровскую эпоху: Финляндия, Польша, Балтийские провинции, – в монархию Чингисхана не входили; но они и отпали от России, так как исторической, естественной государственной связи у них с Россией не было. Другие области, случайно не входившие в состав монгольской монархии, но естественно, по своей географической или этнографической природе связанные с этой монархией и присоединенные к прежней России, удержались в СССР, и если некоторые из них (например, Бессарабия, польские кресы) теперь отторгнуты, то это явление временное, и рано или поздно природа возьмет свое. Присоединение к СССР Хивы и Бухары, сохранявших призрачную самостоятельность при последних русских императорах и провозглашение советской республики в Монголии – продолжение и укрепление исторической связи России с монархией Чингисхана. На том же пути можно с уверенностью предсказать в будущем и присоединение китайского Туркестана. Таким образом, в исторической перспективе то современное государство, которое можно называть и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом” [Трубецкой, 2012].

По мнению евразийцев, русское государство инстинктивно стремилось и стремится воссоздать это **естественное единство евразийского пространства**, потому что оно – наследник, преемник, продолжатель “исторического дела Чингисхана”. При этом евразийцы особо подчеркивали, что российское государство не есть продолжение Киевской Руси. Из нее не могло развиваться такого мощного государства.

Рассматривая расово-антропологический тип населения этого огромного евразийского пространства, Трубецкой приходит к следующим заключениям. “Население этой части света неоднородно и принадлежит к различным расам. Между русским, с одной стороны, и бурятом или самоедом – с другой, различие очень велико. Но характерно, что между этими крайними точками существует целая непрерывная цепь промежуточных переходных звеньев. В отношении внешнего антропологического типа лица и строения тела нет резкой разницы между великорусом и мордвином или зырянном; но от зырянина и мордвина опять-таки нет резкого перехода к черемису или вотяку; по типу волжско-камские финны (мордва, вотяки, черемисы) близко сходны с волжскими тюрками (чувашами, татарами, мещеряками); татарский тип так же постепенно переходит к типу башкир и киргизов, от которых путем таких же постепенных переходов приходим к типу собственно монголов, калмыков и бурят. Таким образом, вся Евразия в вышеупомянутом смысле этого слова представляет собой географически и антропологически некое единое целое” [Трубецкой, 2012].

Если принять во внимание российскую историю за без малого столетие, отделяющее нас от основателей евразийской концепции, то можно поражаться устойчивости высказанных ими суждений. Прежде всего **они относили к ядру Евразии всю Украину и Белоруссию и отмечали как позитивный момент возвращение этих “исконно евразийских и русских земель” под власть Москвы.**

Кроме того, они со всей глубиной заметили двойственность следствий контактов и связей с Европой. Последняя была носительницей военной и промышленной техники, столь необходимой для целей самообороны. Но при этом приходилось опасаться, как бы не попасть в культурную, духовную зависимость от неправославных христианских народов Европы. Известно, что выполнение задачи заимствования европейской техники взял на себя Петр I. Но, по мнению евразийцев, задача эта стала для него самоцелью, и никаких мер “против заразы европейским духом” он не принял. Задача была выполнена именно так, как не надо было ее выполнять, и произошло именно то, чего следовало больше всего опасаться: внешняя мощь была куплена ценой полного культурного и духовного порабощения России Европой. И итогом стала ориентация верхнего класса России исключительно на Европу.

Признавая отличие Евразии от европейской и азиатской культурных традиций, евразийцы резко отрицательно относились к попытке “вернуть” Россию лицом к западной цивилизации. Они критически оценивали саму европейскую культуру, отказывая ей в ее претензиях на универсальность и абсолютность. Она оценивалась ими как культура по сути романно-германская, то есть этнически и исторически ограниченная (см. [Русский... 1997; Гумилев, 1993] и др.)

Своей задачей евразийцы считали внедрение в сознание образованных людей мысли о решительном отказе от евроцентризма и необходимости новой попытки национального самопознания. Результатом такой попытки, по их убеждению, станет очевидным наличие в российском характере и культуре туранских элементов. По их убеждению, мощная азиатская составляющая российской самобытности, игнорировавшаяся на протяжении долгого времени, побудила их обратиться именно к восточным корням России = Евразии. Россия, взятая в целом, со всеми своими азиатскими владениями и провинциями, переплетением этнических и культурных влияний, – это особый мир, где нет места единообразию национального типа. Евразийцы доказывали, что так называемый “русский национальный характер” содержит в себе множество черт явно тюркского происхождения.

В отличие от преобладающего в среде образованных россиян позитивного восприятия Петра I, евразийцы отмечали, что он нанес русскому национальному чувству самые тяжкие оскорбления, разрушил те устои, на которых покоилась внутренняя мощь России. Так, он разрушил существенно важный, с точки зрения основной государственно-идеологической системы, институт патриаршества. Евразийцы не отрицали патриотизм Петра, патриотизм этот был своеобразен и в русской жизни дотоле неизвестен. Это была не привязанность к реальной, исторической России, а страстная мечта о создании из русского материала великой европейской державы, во всем походившей на другие европейские страны, но превосходящей их величиной своей территории, мощностью своих военных сил. Но прошло время и, как заметил вслед за Герценом видный деятель современного православия А. Кураев: “Петр бросил вызов православной России, и через сто лет она ответила ему явлением Пушкина”. И он же справедливо сказал: “Один из важнейших парадоксов культуры – даже в советские годы выдающиеся достижения русской гуманитарной культуры создавались православными людьми – Ростроповичем, Солженицыным, Распутиным, Пастернаком” (<http://www.rg.ru/2013/05/15/kuraev-poin.html>).

В этом же ключе рассматривали евразийцы последующую внутреннюю политику имперского дома Романовых. Точно так же оценивается и направление действий раннего советского правительства, которое, по их мнению, вело в России европеизаторскую работу. Разрушая духовные устои русской жизни и национальное своеобразие, насаждая в России материалистическое мировоззрение, фактически господствующее

в Европе и Америке, воспитывая Россию на идеях, созданных европейскими теоретиками и выросших органически из почвы европейской цивилизации, “коммунистическое правительство закрепляет Россию в положении провинции европейской цивилизации и утверждает духовное завоевание России Европой, завоевание, которому начало положил Петр I” [Трубецкой, 2012].

Общий, имеющий стратегическое значение вывод относительно взаимодействия Европы и России у евразийцев был таков. Подлинный враг европейской цивилизации – не коммунизм, “порожденный самой европейской цивилизацией и органически привязанный к ней”, а историческая Россия – Евразия, своеобразная цивилизация, по самому существу своему стихийно противящаяся европеизации, вне зависимости от того, правят ею монархи или коммунисты [Трубецкой, 2012].

А. Кончаловский, скорее оппонент евразийцам, чем союзник, следующим образом рассуждал о соотношении русской и европейской цивилизации, при этом следующим образом оценивая будущее России как самостоятельной цивилизации: “...не забывайте, что Россия – периферия европейской цивилизации. Почему периферия? Потому что до нас не дошла ни античная греческая, ни иудейская схоластика, ни римское право. Россия – периферия Европы. И, тем не менее, она мыслит динамически, в отличие от Китая или Индии. Существует не так много цивилизаций в мире, которые самодостаточны. Россия не может существовать сама по себе – мое убеждение. Она в той или иной степени вынуждена будет выбирать между тем, чтобы стать китайским сателлитом, либо договориться с Америкой построить тоннель под Беринговым проливом, создать супер-страду и насытить Сибирь европейскими понятиями. На мой взгляд. Иначе она исчезнет” (http://tyrain.ru/articles/andrei.konchlovskiy_ub_otkrytiy_olimpiady).

В этой связи приходится рассматривать и взаимодействие с покорителями русских земель – монголо-татарами. Включение значительной части средневековой Руси в состав Золотой Орды вполне оправданно именовалось общенациональным бедствием. В то же время обходился вопрос о взаимоотношениях православной Церкви и Орды. Последняя, как известно, оказывала покровительство Церкви и препятствовала проникновению на контролируемую территорию служителей других христианских конфессий.

Много лет назад Ю. Лотман высказал интересную мысль: евразийство формировалось “по западную сторону границы, отделявшей оседлую европейскую цивилизацию от ВЕЛИКОЙ СТЕПИ, и по восточную сторону от конфессиональной границы, разделявшей истинное и еретическое христианство. Русь одновременно осознавала себя и центром мира, и его периферией, одновременно ориентировалась на изоляцию и интеграцию” [Лотман, 1972, с. 5–6].

В современной литературе получила распространение точка зрения, согласно которой теория евразийства может содействовать решению вопроса относительно характера происходящих в российском обществе перемен: означают ли они движение в направлении вестернизации, преодоления этакратизма или формирование особой социальной реальности [Пастухов, 1992]. В России доминирующую позицию занимала и занимает в кругах социальных исследователей и преобладающей части властвующих групп концепция принадлежности страны к европейским народам. Обычно авторы подчеркивают, что Россия – страна европейской культуры и ориентирована на работу европейских институтов. Эту же позицию занимают и лица, формирующие внутреннюю и внешнюю политику России. Европеизм остается ведущим идеологическим течением в стране [Смирнов, 2008].

Следует заметить, что сами наши соотечественники при колебаниях в оценках западного образа жизни устойчиво предпочитали ориентацию на традиции и особенности России, на глубоко изученный национальный исторический опыт в противовес следованию “чужим образцам”. Согласно данным опроса, проведенного Фондом “Общественное мнение” в 2005 г., лишь 5% респондентов сочли, что культура и ценности европейцев и россиян не различаются, 21% полагали, что различия невелики, но 63% поддержали позицию о существенном различии по культуре и ценностям между

европейцами и россиянами. Такую же позицию при опросе, проведенном “старым” ВЦИОМом в 2000 г., заняли 63% респондентов. На вопрос “Ощущаете ли вы себя европейцем?” в опросах 1995–1997 гг. отвечали “часто” – 9–12%; “иногда” – 13–16%; “редко” – 17–18%; “никогда” – 52–57%. На вопрос “В какой мере для России подходит западный вариант общественного устройства?” в опросе 2000 г. признали этот вариант универсальным образцом всего лишь 4% респондентов, а сочли его совершенно или не вполне подходящим 67% наших сограждан [Дубин, 2003, с. 137–153].

Таким образом, при проведении экономической и социальной политики в 1990-х гг. и отчасти в первом десятилетии 2000-х гг. правящие круги России искали по преимуществу модели/образцы для развития постсоветской России на Западе. Хотя нельзя не отметить, что в среде консервативных деятелей правящих кругов в последние годы все чаще звучали голоса в пользу возврата к почвенническим основам “соборной России” и проведению обновленной линии на реализацию известной мракобесной триады “Православие. Самодержавие. Народность”.

Опыт евразийского партнерства – Казахстана и Украины

Однако наш сосед на юго-востоке – Казахстан – достиг национальной солидарности и социальных, и этнических частей своей страны, положив в основу государственной идеологии и реальной политики признание своей принадлежности к евразийской цивилизации. Символом этой политики стало присвоение вновь созданному в новой столице Казахстана университету имени выдающегося русского ученого евразийца Л. Гумилева. Принадлежность своей Родины к евразийской цивилизации казахстанские ученые связывают с превалированием в общенациональном масштабе культуры подчинения и коллективистских ценностей. Социализация личности по-прежнему основана на механизме подчинения патерналистским, этатистским корням традиционной культуры. На поведение личности большое влияние оказывает традиционная культура, поддерживающая такие подсистемы, как жуз, род, клан, местность. В населении сохраняется неверие в закон как эффективное средство борьбы за соблюдение прав и интересов личности, но уже не отождествляются интересы государства и общества. Этатизм как часть культуры населения страны выражается в ожидании помощи от сильного государства. Однако личность постепенно начинает сознавать собственные интересы.

Опросы населения демонстрируют их нежелание рассматривать западно-либеральный путь развития как национальную идею. Участь стать азиатской окраиной Запада задевает национальную гордость. По мнению аналитиков, в казахам просыпается “синдром родственных стран”, тяготение к исламскому Востоку. Судя по представительным опросам, большинство (67,8%) считают наиболее приемлемой смешанную культуру (традиционную + западную), национальный путь развития рассматривается как творческий синтез западных и восточных ценностей. Признается необходимость использования технологических достижений Запада, опыта западных стран в создании социально ориентированной рыночной экономики. В то же время необходимо применить достижения близких казахам по ментальности восточных стран по сохранению и развитию духовных ценностей [Абдикерова, 2009, с. 42–47].

Вывод таков: “Евразийство предполагает не только попытку синтеза этногеополитических реалий Европы и Азии, но и формирование нового взгляда, мировоззрения, основанного на ценностях Запада и Востока. Геополитическое положение Казахстана – расположение между Европой и Азией – обуславливает переплетение в поведении граждан таких характерных для западного человека черт, как активность, динамизм, индивидуализм, предприимчивость, прагматизм, и таких специфических восточных характеристик: уважительного отношения к авторитетам, старшим, гостеприимства, пассивности, конформизма и т.п.” [Абдикерова, 2009, с. 45]. Именно с опорой на мировосприятие, основанное на евразийском менталитете, используя как рычаг авторитарную систему, притягивающую на постепенное формирование рыночной

экономики и демократического общества, власти Казахстана, возглавляемые президентом Н. Назарбаевым, добились общепризнанных успехов в развитии независимого нового государства.

За эти же годы лишенная ценностной основы, влекомая к чуждым ей целям построения капитализма англосаксонского образца Россия совершила, по мнению М. Буравого, “транзит без трансформации”: “...в России общество полностью отступило перед рынком к примитивным формам экономики. Государство же, не стремясь к синергии с обществом, связало себя с глобальной экономикой, с транснациональными потоками природных ресурсов, финансов, информации. Оно также оторвалось от экономики регионов, обирая их природные ресурсы без заботы о воспроизводстве, не говоря уже о росте” [Буравой, 2009, с. 3, 8].

Что касается стран, относимых мною условно к “полупериферии” так называемого “реального социализма”, то их положение при всей неопределенности, скорее всего, связано с постепенным вхождением (возвращением?) в европейский цивилизационный и экономический ареал. В подтверждение приведу интересные соображения видных социологов из самой крупной страны – представительницы этой самой полупериферии – Украины. Е. Головаха и Н. Панина в связи с анализом постсоветской аномии отмечают существенные черты различий между Украиной и Россией. Они подчеркивают, что преодолевать нормативный хаос можно разными путями. «Опыт формирования демократических норм общественной жизни в Афинах и “железного порядка” тоталитарной Спарты и сегодня не утратил актуальности для государств, пытающихся преодолеть состояние аномии, порожденное разрушением ценностно-нормативной системы. По крайней мере для некоторых постсоветских государств, первоначально деклариовавших демократический путь выхода из аномического состояния, а затем не избежавших соблазна решения многочисленных социальных проблем переходного периода “по-спартански”, этот опыт имеет первостепенное значение» [Головаха, Панина, 2008, с. 5].

Основываясь на этой исторической посылке, авторы переходят к прямому сопоставлению России и Украины. У России – специфическое положение в евроазиатском физическом, политическом и духовном пространстве, в пограничье между Европой и Азией. “Отсюда проистекает и евразийская идеология, вполне отвечающая духу традиционализма и мирно уживающаяся с исконным российским почвенничеством. В последние годы она верой и правдой служит делу укрепления государственности и установления нового социального порядка”. Применительно к России авторы отмечают наличие традиции самодержавия. У Украины – специфическое положение между “Европой” и “Евразией”, «а потому ее выход из аномического состояния имеет преимущественно “европейскую направленность”». Применительно к Украине авторы отмечают исторически сформированный феномен оппозиционности любой власти. “В силу указанных выше факторов Россия и Украина избрали различные пути преодоления постсоветской аномии”. В России – “на основе умеренной автократии, сакрализации власти, великодержавной идеологии, ориентированной на евразийство” и ориентации на возрождение “Великой России”. Украинский путь ориентирован на государственно-национальное самоутверждение, включая противоречивые составляющие: «Идеологию “европейскости”, готовность противостоять автократии в сочетании с традиционализмом, изоляционизмом и верой в сакральную роль очередного оппозиционного политического харизматика» [Головаха, Панина, 2008, с. 10].

У меня лично несколько иное объяснение произошедшего в России, но родственное. Я обращаю первостепенное внимание в контексте *path dependency theory* на историю отношений собственности, соотношение рынка и отношений раздатка, отсутствие гражданского общества и доминирование отношений подданства, конфессиональный фактор. Эти же вопросы имеет смысл рассмотреть и применительно к Украине.

Любопытны и наблюдения известного знатока России и ее соседей профессора С. Уайта (Университет Глазго), опиравшегося на материалы представительных опросов 2005–2006 гг. Даже в сопоставлении с жителями Белоруссии и Украины русские

в гораздо большей степени сторонники собственного пути развития (59% против 49% и 49%, соответственно, у украинцев и белорусов). Сторонниками общего с европейскими странами пути развития выступают 25% русских, 31% украинцев и 40% белорусов. Кстати, и на вопрос о том, должно ли государство нести ответственность за благополучие домохозяйств, в отличие от русских большинство белорусов оказались приверженцами той точки зрения, что ответственность должна лежать на самом домохозяйстве. В то время как большая часть населения России сожалеет о распаде СССР, белорусы и украинцы в менее чем половине случаев сожалеют об этом и реже поддерживают идею о создании единого государства на территории СНГ [Уайт, 2007, с. 40–46].

Зарубежные оценки современной России

Каким образом все вышесказанное отразилось или может отразиться на развитии социологии как науки? Очевиден вывод: если цивилизационное разнообразие человечества приводит к качественным различиям в экономическом, социальном и ценностно-нормативном развитии народов, если несомненна несинонимичность вестернизации и модернизации, то отсюда следует неизбежность формирования национальных и региональных социологий с существенно расходящимися теоретическими основаниями. Полагаю, в этом отношении весьма характерна та дискуссия “On Public Sociology”, которая состоялась на страницах журнала “Current Sociology” (2008. Vol. 56. № 1. May).

Несколько лет назад М. Буровой дал интервью известному российскому социологу В. Радаеву, в котором четко обозначил близкую мне позицию о неинтерпретируемости событий в современной России на концептуальной базе западной социологии. Коснувшись обсуждения в “American Journal of Sociology” проблем переходного периода в Китае, а также в Центральной и Восточной Европе, он сказал: “Примечательным в дискуссии было то, что никто не представлял пример России, который, с моей точки зрения, является примером провала реформ. Все говорили о примере Румынии или Болгарии. Но ведь провал-то случился не у них. Думаю, люди должны будут переосмыслить свои теории в свете российского опыта... Однако анализ России, похоже, не интегрирован в социологию и особенно в экономическую социологию, как, например, анализ Китая. Россия всегда стояла особняком, рассматривалась, скорее, как исключение. Но мне кажется, что социология только выиграла бы, если бы она включила в сферу своих исследований этот крайний случай – со столь необычной, уникальной историей. Конечно, это не подразумевает сведение российского опыта к некой общей теоретической схеме” [Радаев, Добрякова, 2006, с. 37–38].

Среди европейских исследователей и аналитиков по-прежнему бытует мнение, что социально-экономический порядок современной России принципиально не отличается от устройства большинства развитых европейских стран. Хотя такому концептуальному подходу явно противоречат многочисленные факты и события последних лет. Для многих западных ученых Россия представляет, как правило, один из типов капитализма. Так, для известного аналитика России профессора Д. Лэйна эта страна в 1990-е гг. проходила путь от государственного социализма к кооперативному капитализму, координируемому государством. Он при этом исходил из посылки, что ранним посткоммунистическим правящим элитам грезился переход к обществу западного типа с его богатством, рынками, частной собственностью, демократией и гражданским обществом. Капиталистические общества Западной Европы и, особенно, США не только не стали работающими моделями того, во что стремилась превратить Россию ее правящая верхушка. Российской экономике того времени автор характеризовал как извращенное хаотическое социальное образование [Лэйн, 2000].

Профессор М. Кастельс с середины 1980-х гг. и до конца 1990-х гг. изучал Россию, проведя в ней немало времени и осуществив целый комплекс исследований. Вот некоторые итоги его анализа. “Кризис, переживаемый Россией, вновь, в конце

XX столетия, бросил вызов нашему концептуальному созиданию... К тому же зачастую интеллектуальные категории, посредством которых мы интерпретируем российские проблемы и конфликты, являются продуктом устаревшей структуры, в значительной степени носящей следы интонаций холодной войны. Мы все еще думаем в терминах дихотомии между капитализмом и социализмом, либерализмом и советизмом, Западом и Востоком, предпринимателями и бюрократами, свободой и коммунизмом, централизмом и локальностью. Наш прежний образ мыслей просто неприменим к России, да и к миру в целом. Но в России аналитический вызов даже более осязателен, поскольку в конце столетия она комбинирует различные направления перемен, полностью погружаясь в новую глобальную реальность” [Кастельс, Киселева, 2000, с. 48–49].

Тем не менее наиболее употребляемая аттестация современного российского капитализма у Кастельса – весьма нелестный для конца XX в. термин “дикий”. К этому можно добавить дополняющие данную характеристику два следующих комментария: “Ирония ситуации заключается в том, что олигархическая властная система в России крайне напоминает традиционную карикатуру на государственно-монополистический капитализм, приписываемый коммунистической мифологией западному миру”; пореформенная Россия переживает “трудный бесконечный переход от сюрреалистического социализма к нереальному капитализму” [Кастельс, Киселева, 2000, с. 37, 46].

Примерно в те же годы профессор Буровой на основе своих наблюдений и исследований поставил под сомнение тезис о том, что переходные процессы, которые переживала Россия, означали переход к капитализму. Он охарактеризовал траекторию развития российской экономики как “инволюцию”, напоминающую веберовский “грабительский капитализм”, где банки и торговые монополии получают прибыли, но ничего не инвестируют в производство. (Кстати, и на протяжении 2000–2009-х гг. эта характеристика оставалась вполне адекватной реальной ситуации.) Производство же в России, согласно Буровому, осуществлялось, по-прежнему, по советской схеме [Burawoy, 2001, p. 269–290].

Я. Драхокупил попытался объединить взгляды ученых, преимущественно из европейских стран, на характер социально-экономических отношений в посткоммунистических странах [Drahoкупil, 2009]. Для решения задачи им были взяты три, пожалуй, лучших коллективных работы, написанные высокопрофессиональными авторами и изданные в престижных издательствах. Каков же итог? Он обнаружил ту же картину, ту же мозаику взглядов, что и за десятилетие до его публикации. Другими словами, все обсуждения по большей части сводятся к уточнению типа капитализма в той или иной из посткоммунистических стран, по крайней мере, Европы (“либеральный зависимый капитализм”, “патримониальный капитализм”, “гибридный государственно-рыночный капитализм”, “олигархический капитализм”, “веберовский политический капитализм” и т.д.).

Общим местом выступает наличие в этих странах (от Польши и Чехии до России) регулируемой рыночной экономики (*CME – controlled market economy*). Однако никто из авторов специально не оговаривает, почему в отличие от исконно западных стран (стран Балтии и Центральной Европы) Россия и ее преимущественно “православные” постсоциалистические соседи целиком не вписываются ни в одну из приведенных классификаций, оставляя массу вопросов. Например, сам Драхокупил осторожно обходит этот вопрос. Рассуждая о типах капитализма, которые четко обозначились в современной Европе (основной раздел по линии “старая Европа – новая Европа”), он лишь вскользь упоминает об “особости” России, присваивая ей ярлык *CME*.

Однако если подобный подход и применим к Европе (“общее и особенное”), то в данный ряд едва ли вписываются нации-государства, принадлежащие к евразийской цивилизации. В связи с этим я предполагаю в дальнейшем продолжить развитие идеи о русском народе как представителе евразийской цивилизации, образующей ее западный ареал, пограничный с европейской цивилизацией. Отмечу попутно, что западная граница СССР кануна Второй мировой войны может считаться подлинной границей евразийской цивилизации. Поэтому во всех сторонах жизни России

на протяжении веков, как и в других пограничных культурах, были значимо представлены элементы соседствующей европейской цивилизации. Особенно это относится к периоду существования Российской империи от Петра I до революции 1917 г., когда в стране активно присутствовал чисто европейский компонент (Польша, Финляндия, Прибалтика), а сама российская государственность органично входила в “концерт” европейских держав. И тем ни менее даже сторонники капиталистического пути развития России пишут о разнообразии “национальных моделей рыночной экономики”. Очевидно, что в нашей стране ни англосаксонский, ни азиатский, ни рейнский капитализм не имеют перспектив. Как замечает В. Автономов, “здесь можно вспомнить анекдот о норвежских рыбаках, которые пытались поймать исландскую селедку, но у них почему-то всегда ловилась норвежская. Мы обречены на то, что у нас сложится именно российский капитализм, но, чтобы хоть как-то влиять на этот процесс, нам неплохо изучить существующие в мире варианты” [Автономов, 1999, с. 6].

Для меня Россия, как я уже отмечал, – лишь западная пограничная часть евразийского субстрата, который образует особую социокультурную реальность со своими институтами, ценностями, отношениями власти и населения, со своими религиозными представлениями. Россия находится между Западом и Востоком, но возвышается над ними со стороны Севера. Мы не можем не фиксировать северную идентичность нашей страны. Ибо помимо Северной существует Южная Евразия, которая всеми цивилизационными характеристиками отделена не только в географическом пространстве от Северной евразийской цивилизации.

В подтверждение приведу высказывания двух выдающихся интеллектуалов России. Они позаимствованы из превосходной работы Ю. Попкова. В “Записке о древней и новой России” (1811 г.) Н. Карамзин писал о России как о северной евразийской стране: “Во глубине Севера, возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременною связью с монголами, – византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами. Сии последние черты, свойственные народу мужественному, вольному, еще были заметны в обыкновении судебных поединков, в утехах рыцарских и в духе местничества, основанного на родовом славолубии. Заключение женского пола и строгое холопство оставались признаком древних азиатских обычаев... Такая смесь в нравах, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась нам природною, и россияне любили оную, как свою народную собственность” [Карамзин, 1991, с. 24].

Как бы продолжая суждения Карамзина, Д. Менделеев так оценивал свой народ – плод евразийской цивилизации: “И я полагаю, что наш русский народ, занимая географическую середину старого материка, представляет лучший пример народа реального, народа с реальными представлениями. Это видно уже в том отношении, какое замечается у нашего народа ко всем другим, в его уживчивости с ними, в его способности поглощать их в себе, а более всего в том, что вся наша история представляет пример сочетания понятий азиатских с западноевропейскими” [Менделеев, 1995, с. 7].

Заключительные размышления

Евразия представляет собой некую географически, этнологически и экономически цельную, единую систему, государственное объединение, которое было исторически необходимо. И бывший СССР, и сложившиеся на его территории государства (за вычетом Балтии) есть прямое продолжение великой монгольской империи, основанной Чингисханом, а не Киевско-Новгородской Руси. На всем протяжении своей истории русское государство стремилось воссоздать естественное единство евразийского пространства. К ядру Евразии теоретики евразийства 1920-х гг. относили наряду с Россией Украину и Белоруссию. Российское государство есть государство Евразийское. Подлинная история России и есть история Евразии. В отличие от стран Центральной и Восточной Европы, насильственно присоединенных к советскому блоку

и вернувшихся в 1989–1991 гг. на почву родной им европейской цивилизации, Россия и другие евразийские страны пошли своим неевропейским путем.

Я рассматриваю современную Россию, как **представительницу специфической евразийской цивилизации с тысячелетиями воспроизводившимися в ней отношениями “власти-собственности”, как носительницу определенных традиций авторитарного управления и организации социальной и гражданской жизни.**

Во всех странах, занимающих огромные просторы Севера Евразии, продолжились и восторжествовали отношения дистрибуции (в терминах К. Поланьи), а не современного цивилизованного рынка. После потрясений 1990-х гг. страна постепенно возвращается на свой евразийский путь. Авторитарные традиции как доминировали в экономике страны в прежние эпохи, так и возвращают ныне свое доминирование. Мощь России, как и во все эпохи жизнедеятельности евразийской цивилизации, зиждется на государственном контроле над ресурсами. Возвращен в государственную собственность ряд ведущих предприятий топливной, металлургической и обрабатывающей отраслей. Более того, одновременно усилилось присутствие государства в других частных и смешанных компаниях, формально работающих в условиях капиталистической рыночной экономики. Бизнес как носитель свободно-рыночных отношений, подмят государственно-бюрократическими структурами.

Абсолютный контроль над подавляющей частью национальных активов, и прежде всего над стратегическими отраслями экономики, сосредоточен в руках политического руководства страны и государственных чиновников – менеджеров этих корпораций. Корпоративная система, как и в прежние времена, выступает определяющей формой реализации властных отношений, соответственно – иерархического ранжирования и объема и характера привилегий членов социума. В специфическом социально-экономическом порядке, каковым является неозападничизм, в трансформированном виде воспроизводится и сословно-властная иерархия. Сословия различаются юридическими правами, которые, в свою очередь, жестко связаны с их обязанностями и находятся в прямой зависимости от этих обязанностей и месте в системе властных отношений.

Вся эта система и советских, и современных псевдодемократических времен закреплена в соответствии с традициями старой русской государственности, доминированием государственной идеологии, идеократией. Идеология эта предполагает единство ценностей и социальных норм в обществе, господство официально провозглашенной системы воззрений, обезличенность индивидуумов, борьбу с инакомыслием. Идеократизм выражается во всеобъемлемости своего влияния. Идеократия имеет корни в верованиях народа, она соответствует его ортодоксальному миросозерцанию.

Здесь я вынужден затронуть проблемы существующего в России политического режима. Не является ли его авторитарное устройство само по себе препятствием модернизации страны? Десятилетиями преобладающим мнением при некоторых расхождениях было утверждение, что либерализм и демократия – обязательные предпосылки модернизации любой отсталой страны. Но за последние годы, на данном этапе динамики мировой экономики либеральный капитализм не подтверждает своих преимуществ по сравнению с авторитарными системами. Кризис конца нулевых годов укрепил легитимность авторитарных режимов, которые, как оказалось, при эффективном правлении вполне обеспечивают успешную экономическую динамику.

Как отмечает известный политолог П. Ханна, политические лидеры во всем мире сталкиваются с требованиями обеспечить экономические свободы, социальное равенство и политическую прозрачность, но совсем не обязательно демократию. Все большее число авторов, особенно из развивающихся стран, развивают мысль о том, что “хорошее управление” может предполагать не менее эффективную защиту прав личности, чем демократия. Недавно в Африке первым африканским миллиардером, телекоммуникационным магнатом из Судана Мо Ибрагимом был сконструирован “Индекс Ибрагима”. Согласно ему, индикаторами “хорошего управления” являются: безопасность и защищенность; власть закона; прозрачность и отсутствие коррупции; устойчивое экономическое развитие и умножение человеческого капитала. Таким образом,

в этом индексе нет связи эффективности с демократией. “На примерах Китая, Сингапура, Малайзии и Вьетнама четко видно, эффективное промышленное развитие может происходить без всяких предварительно созданных демократических институтов” [Ханна, 2010^а, с. 103, 104; 2010^б].

В России подобные взгляды не новость. Их сторонники именуют обычно оптимальный для страны режим – авторитаризмом развития, реже – просвещенным авторитаризмом. Так, В. Красильщиков отмечает: “Модернизация в России возможна только как авторитарная, особенно на первых порах. Демократическая модернизация по примеру сегодняшних Бразилии и Чили невозможна по причине отсутствия консенсуса в обществе по поводу модернизации, эгоизма верхов, инертности низов и неразвитости гражданского общества. В то же время настоятельно необходима деприватизация государства на всех уровнях. Без этого государство не станет государством развития” [Красильщиков, 2009, с. 159]. Для молодежи России мягкий авторитарный режим, если он обеспечивает власть закона, отсутствие коррупции, индивидуальный успех, карьеру, комфорт и качество жизни, вполне приемлем.

Считаю, что Евразийская цивилизация, как и большинство других локальных цивилизаций во многих случаях является **ареной конкуренции вплоть до вооруженной борьбы между соционисторическими общностями (в нашем случае – национальными государствами), носителями основных черт данной цивилизации, взятой как целое. Элиты этих общностей соревнуются, предлагая разные цивилизационные проекты, то есть предлагают разные векторы развития для всей цивилизации, стремясь при этом к доминированию в ее развитии. Большая часть стран, относимых к евразийской цивилизации, под преобладающим влиянием ведущей евразийской державы – России ныне совершает консервативный поворот в сторону идеократии, авторитаризма и, частично, тоталитаризма. В результате цивилизационная система Евразии на протяжении жизни современного поколения, оказывается в фазе бифуркации, выход из которой труднопредсказуем.**

За 20 лет переустройства экономики только те евразийские страны добились относительно позитивных результатов, которые не стали имитировать европейские пути развития, а пошли своим евразийским путем транзита. Я имею в виду Белоруссию и Казахстан. Выбор направления развития осуществляется как равнодействующая всех социальных сил, участвующих во взаимодействии по преобразованию общества. Здесь ключевое место занимают принципы отбора идеалов, на основе которых формируется новое общество как преобразованная социальная система с новыми каналами социализации, новой совокупностью социокультурных ценностей.

Как отмечает один из идеологов этого ценностного выбора Л. Бызов, консервативное большинство населения России было и во все большей степени становится опорой власти, охранительной политики и идеологии, считая президента отцом нации, несущего определенную систему ценностей. Эта квазитрадиционалистская часть населения сохранила архаическое сознание и до сих пор, по мнению Кончаловского, живет в добуржуазном обществе [Бызов, 2013, с. 47–60; Кончаловский, 2013].

Евразийская цивилизация, как и всякая открытая социальная система, для своего развития должна обеспечивать свободный обмен всеми компонентами жизнедеятельности – людьми, идеями, товарами и т.д. Конечно, консервативный поворот Евразии может превратить государства – общества, входящие в ее орбиту, в так называемые “задержанные общества”, то есть общества, отвергающие шанс превратиться в открытую систему. Это общества, в которых властные структуры стремятся заблокировать каналы взаимодействия с внешней средой, остановить инновационные процессы, остановить “подпитку” людьми, идеями, информацией, технологиями извне. Такой системой был СССР, и всем известно, чем это кончилось.

Центральный вопрос, на который необходимо получить ответ: есть ли в стране социальные силы, способные переломить ситуацию и вывести Россию на дорогу, ведущую в рыночную информационную экономику при экономической свободе, политической прозрачности и эффективной защите прав личности? Вариативность возможных

сценариев развития России, как и ряда других стран Евразии, предопределяется исходом противостояния компрадорского и национального капиталов. Пока властвует компрадорский капитал, взаимодействующий с коррумпированным чиновничеством.

В отечественной либеральной литературе преобладает мнение, что во всех обществах устойчивое состояние, закрепленное мощью государства, сильным правлением, ведет к упадку, тормозит процветание и прогресс. Так, известный либеральный автор А. Рубцов пишет: «Нынешний разворот назад, в сторону несвободы и патриархальных отношений, даже в ближайшей перспективе ничего хорошего не сулит. Исторически он ничем не обоснован – только лишь оперативный расчет и локальная политика. Страшное зрелище: мир на передовых рубежах развития, хотя и с маневрами, но в целом дрейфует в одну сторону. А тут гигантский вооруженный дредноут “Россия” вдруг разворачивается и берет курс на патриархальное прошлое, увлекая за собой корабли в кильватере» [Рубцов, 2013, с. 14].

Однако Н. Кричевский, напротив, утверждает, что наша экономика “нуждается в возврате к консерватизму: в жестком до авторитарного регулировании, контроле и надзоре, в государственной собственности на недра и инфраструктуру, в цивилизованном рынке в промышленном и потребительском секторе, с неизменным соблюдением прав и свобод индивидуумов, в плановом развитии общественной сферы. А еще в освобождении от коррумпированного балласта... В этом суть нового экономического консерватизма, перефразируя Бердяева, одного из немногих препятствий на пути зверино-хаотической стихии в нашем хозяйстве” [Кричевский, 2013, с. 9].

В обоснование суждений Кричевского приведу всего лишь несколько слов из Н. Бердяева: “Правда консерватизма не есть начало, задерживающее творчество будущего, она есть начало, воскрешающее прошлое в его нетленном”. И еще: “Истинный консерватизм есть борьба вечности со временем, сопротивление нетленности тлению. В нем есть энергия не сохраняющая только, но и преображающая” [Бердяев].

Полагаю, что есть возможность создать информационную экономику при сохранении существующей социальной и политической “оболочки”. Сложившиеся при этом в постсоветских странах авторитарные режимы основываются на государственном контроле за наличными естественными ресурсами. В Евразии формируются успешные пути модернизационного транзита, опирающегося на принципы консерватизма.

Эти принципы применительно к современному обществу раскрыты Л. Иониным: «Консервативный подход к обществу склонен рассматривать общество не как систему, а как *организм*. Как и в системе, в организме все взаимосвязано, но это связь иной природы. Организмы растут и изменяются, но изменяются “органически”, то есть медленно, через череду поколений. Поэтому слово “органический” – одно из главных консервативных слов, а *органичность* – это... важный принцип консервативного мировоззрения». Кроме того, консерватизм понимается как принцип *качественности*. “Это значит обращать внимание в первую очередь на то, что делает индивидов, а также страны, сообщества, группы своеобразными и уникальными, то есть на историю, традиции, национальный менталитет”. Добавлю также важный консервативный принцип *историчности*. Применительно к социально-историческим образованиям это предполагает учет всей череды прошедших поколений, от века существовавшие формы культуры. “При всяких... общественных трансформациях история народов, их прошлое оказывается тем якорем, на котором они держатся и выстаивают вопреки самым жестоким ударам судьбы. Лучший способ уничтожить государство – это лишить его прошлого, отнять у него историческую память” [Ионин, 2010, с. 82, 83].

Один из важных моментов стратегии развития – установка на повышение профессионализма, самоотдачи, проявление инициативы, то есть тех качеств соотечественников, которые всегда были предметом гордости России. Успех реализации интегрированной социально-экономической политики будет предопределяться совпадением перспективных интересов власти и основных групп российского общества.

В сложившихся условиях необходимо формирование идейных, политических и нравственных ценностей, призванных заполнить посткоммунистический и постимперский

нравственный вакуум, снять у россиян комплекс оскорбленного национального достоинства. Я согласен с А. Солженицыным, что теперь надо жестко выбрать: между Империей, губящей прежде всего нас самих, – и духовным и телесным спасением нашего же народа. Государственная политика, опирающаяся на солидарность нации, на устойчивую общность интересов основных социальных сил, исходящая из традиционного для россиян понимания справедливости, может стать важным элементом строительства сильного национального социального государства – ядра евразийской цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдикерова Г.О.* Евразийская ментальность как основа создания интегральной модели социализации личности // СОЦИС. 2009. № 9.
- Автономов В.С.* Предисловие // Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии. СПб., 1999.
- Андреев А.Л.* Российский социум как “другая” Европа // *Общественные науки и современность*. 2013. № 3.
- Бердяев Н.А.* Философия неравенства. Письма к недругам социальной философии. Письмо пятое (royallib.ru.doc).
- Буравой М.* Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // СОЦИС. 2009. № 9.
- Бызов Л.Г.* Параллельные миры? Что стоит за новой ценностной поляризацией общества? // *Свободная мысль*. 2013. № 4.
- Головаха Е.И., Панина Н.В.* Постсоветская anomia: особенности выхода из состояния anomической деморализованности в России и на Украине // *Общественные науки и современность*. 2008. № 6.
- Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993.
- Дубин Б.* Запад для внутреннего употребления // *Космополис*. 2003. № 1.
- Ионин Л.Г.* Апдейт консерватизма. М., 2010.
- Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991.
- Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество // *Мир России*. 2000. № 1.
- Кончаловский А.С.* В какого Бога верит русский человек // *Российская газета*. 2013. 10 апреля.
- Красильщиков В.А.* Стратегические проблемы модернизации. М., 2009.
- Кричевский Н.А.* Экономика, которую мы обретаем // *Новая газета*. 2013. 23 декабря.
- Латов Ю.В., Латова Н.В.* Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Ховстеда // *Мир России*. 2007. № 4.
- Латов Ю.В., Латова Н.В.* Российская экономическая ментальность на мировом фоне // *Общественные науки и современность*. 2001. № 4.
- Лотман Ю.* Труды по знаковым системам. Вып.15. Тарту, 1972.
- Лэйн Д.* Преобразование государственного капитализма в России: от “хаотической” экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? // *Мир России*. 2000. № 1.
- Менделеев Д.И.* Заветные мысли. М., 1995.
- Пастухов В.Б.* Посткоммунизм как логическая фаза развития евразийской цивилизации // *ПОЛИС*. 1992. № 5–6.
- Пивоваров Ю.С.* Николай Данилевский: в русской культуре и в мировой науке // *Мир России*. 1992. № 1.
- Радаев В.В., Добрякова М.С.* Экономическая социология. Автопортреты. М., 2006.
- Рубцов А.В.* Три возраста России // *Новая газета*. 2013. 13 декабря.
- Русский узел евразийства: Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев.* М., 1997.
- Семенов Ю.И.* Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003.
- Смирнов М.* О философии европеизма // *Свободная мысль*. 2008. № 10.
- Тойнби А.Дж.* Постижение истории. Сборник. М., 1991.
- Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. Сборник. СПб., 1995.
- Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. М., 2012. (Coollib.net/b/197682).
- Уайт С.* Прошлое и будущее: тоска по коммунизму и ее последствия в России, Белоруссии и Украине // *Мир России*. 2007. № 2.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.

Ханна П. Второй мир. М., 2010^б.

Ханна П. Демократия или эффективность: вызов XXI в. // Свободная мысль. 2010^а. № 8.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М., 1993.

Virawoy M. Transition without Transformation: Russia's Involutionary Road to Capitalism // East European Politics and Societies. 2001. Vol. 15. № 2.

Drahokoupil J. After Transition: Varieties of Political-economic Development in Eastern Europe and the Former Soviet Union [Review article] // Comparative European Politics. 2009. № 7.

Marshall T.P. Russian Moment in World History. Princeton, 2003.

© О. Шкаратан, 2014.

Независимый научный журнал “Мир России”

Журнал “Мир России”, издающийся Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики, – уникальное научное издание, ориентированное не только на исследователей, профессионально занимающихся изучением России, но и на широкий круг интеллектуалов, которым не безразлична судьба нашей страны.

С момента основания в 1992 г. “Мир России” стремится воссоздать целостную картину российского общества в совокупности взаимовлияний экономических, социальных, культурных, демографических, этнических и иных факторов, соединяя на своих страницах размышления и исследования в самых различных обществоведческих дисциплинах с междисциплинарными работами.

За более чем 20-летнюю историю своего существования “Мир России” получил признание как одно из наиболее цитируемых и влиятельных научных изданий в сфере общественных наук в России и включен в перечень ведущих российских рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки России.

Проводя активную политику по расширению своей аудитории за рубежом, “Мир России” снискал популярность и у зарубежных ученых, чьи работы также можно встретить на страницах журнала. В ближайшее время журнал также будет включен в международную систему цитирования Scopus, что позволит увеличить потенциал цитируемости его материалов.

Если Вы до сих пор не имели возможность ознакомиться с нашим журналом или Вы потенциально заинтересованы в том, чтобы стать автором “Мира России”, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Подробную информацию о нашем издании, включая бесплатные электронные версии прежних номеров и информацию о том, как стать автором “Мира России” или подписаться на журнал, можно найти по адресу: <http://mirros.hse.ru/>.